

Фрагмент из романа

**Jürgen Kaube**  
***Max Weber. Ein Leben zwischen den Epochen***

Rowohlt Berlin, Berlin 2013  
ISBN 978-3-87134-575-3

C. 11-23

**Юрген Каубе**  
**МАКС ВЕБЕР.**  
***Жизнь меж двух эпох***

Перевод Татьяны Набатниковой



JÜRGEN KAUBE  
**MAX WEBER**  
EIN LEBEN  
ZWISCHEN DEN EPOCHEN



## ВВЕДЕНИЕ

### ПОЧЕМУ НАМ ИНТЕРЕСЕН МАКС ВЕБЕР

У Иммануила Канта есть фраза, что человек – «гражданин двух миров». Для Канта это означало, что мы свободны и в то же время несвободны. В одном мире мы действуем спонтанно, в другом мы детерминированы: социальными условиями, побуждениями, естественными склонностями. Но гражданином двух миров можно быть и в историческом смысле. Например, если растёшь в одном мире, где буржуазии, казалось бы, принадлежит будущее, а взрослым вступаешь в другой мир, где сталкиваешься якобы с гибелью буржуазии. Кто считает «буржуазию» исторической величиной, тот неминуемо станет описывать её как могущественную и вместе с тем немощную. Другая возможность ощутить себя гражданином двух миров предоставляется, когда растёшь в одном обществе, которое определяет себя как национальное государство и понимает себя как христианскую культуру, а двадцать лет спустя национальное государство оказывается во власти социальных сил, которые с ним не считаются, а от христианской культуры остаётся лишь слабое воспоминание. Или возьмём нечто сравнимое из частной области: кто-то женится в условиях, при которых новый брак не образует новую семью, а продолжает семью, уже существующую. Сегодня мы бы говорили в данном случае о «браке по расчёту». Супружеская верность считается само собой разумеющейся; кто агрессивно отступает от этой нормы, тот претендует на то, чтобы войти в литературу как Эмма Бовари или Эффи Брист. И человек, вступающий в брак при таких обстоятельствах, спустя немного лет попадает в мир, где супружеская измена ожидаема, где некоторые даже возводят в программу изживание сексуальных потребностей и где этот человек волен свой брак как продолжить, так и разрушить.

Юрист, экономист-теоретик, историк и социолог Макс Вебер был таким «гражданином двух миров». Он жил с 1864 по 1920 год и был многообещающим учёным своего поколения, высокоранговым

представителем протестантской, прусской, крупнобуржуазной элиты. В конце его жизни мало чего уцелело от мира, в котором он родился, и он оставил после себя гигантский труд – прежде всего во фрагментах, в дюжинах научных сочинений, неопубликованных книг, речей, планов. Многие говорят, что он был одним из основателей социологии как науки. Но из объединения социологов, в котором он выступил одним из соучредителей, он тут же немедленно вышел. Для многих понятия «рациональность», «нейтральность» и «расколдованный мир» связаны с его универсально-историческими исследованиями. Для других он был фанатичным националистом, ярким политическим мыслителем, который мечтал видеть харизматичного фюрера во главе демократии, а в ночи современного мира шептал о «возвращении старых богов». Оба описания справедливы. Он жил в эпоху национального государства и в век его кризиса, в мире исторической учёности и в мире эстетического авангарда, в мире периода грюндерства и в мире политического экстрима.

В 1864 году, когда родился макс Вебер, Людвиг II был объявлен королём Баварии. Жак Оффенбах в Париже выпустил в свет свою «Елену Прекрасную». В Лондоне был основан «Первый интернационал» под руководством Карла Маркса. Бушевала американская Гражданская война, конфедератам удалась первая в истории войн успешная атака подводных лодок, и впервые возникло понятие «война на износ». Жюль Верн публикует своё «Путешествие к центру Земли». Папа Пий IX в своей энциклике “Quanta Cura” выносит приговор религиозной свободе, а также отпадению от церкви и государства и добавляет к этому приложение под заголовком “Syllabus Errorum”, которое объявляет заблуждением свободу мнений, пантеизм, социализм и коммунизм, либерализм и безразличие. В Японии готовится реставрация Мэйдзи, которая хочет привести страну назад, к старой империи и покончить с господством военной аристократии, чтобы в итоге европеизировать страну.

В 1920 году, в год смерти Макса Вебера, вступает в силу Версальский договор о мире, а добрый месяц спустя в мюнхенской придворной пивоварне учреждается национал-социалистическая немецкая рабочая партия. В так называемом Капповском путче национал-консервативные круги пытаются свергнуть правительство Рейха в Берлине. Выходит на экраны фильм «Кабинет доктора Калигари» Роберта Вине. В Париже издаются «Магнитные поля» Андре Бретона и Филиппа Супо, первое произведение литературного сюрреализма. Выходят в эфир первые частные радиопрограммы. Ф. Скотт Фитцджеральд публикует свой первый роман, а Зигмунд Фрейд – свою статью «По ту сторону принципа удовольствия» о могуществе влечения и вытеснения. В Антверпене проводятся четвёртые Олимпийские игры Нового времени, Пит Мондриан впервые пишет картины в том геометрическом стиле, от которого впредь уже не сможет отказаться, Грета Гарбо впервые становится «чудом целлулоида», а Ленин держит свою речь «Догнать и перегнать капитализм».

Эти почти случайно отобранные события, которые связаны с краевыми датами жизни Макса Вебера, иллюстрируют характер эпохи, в которой проходила эта жизнь. В эту эпоху становится неопровержимым единство мира. Происходит то, что мы сегодня называем «глобализацией» и ошибочно принимаем за нечто совершенно новое. Промышленный капитализм переживает свою кульминацию, технические инновации – такие, как телеграф, беспарусные пароходы и использование электричества – осваивают пространство и время. «Белые пятна» на географических картах вскоре останутся лишь в полярных областях. Формируются значительные идеологии – национализм, либерализм, социализм и коммунизм, – и формулируются технические утопии, современники становятся свидетелями подъёма Соединённых Штатов Америки и советской власти. Капитализм показывает себя – вкуче с массовой демократией, наукой, организованной в дисциплины, равно как и секуляризацией, –

в качестве движущей силы мировых событий, и вместе с тем различные общественные планы и интеллектуальные «проекты» пытаются выделиться из этого мира. Анонимные и децентрализованные силы двигают общественные преобразования вперёд, что во многих пробуждает потребность вновь насильно сделать историю управляемой.

В тот же период, между рождением и смертью Макса Вебера, Германия, об обществе которой он размышлял больше всего, принимает особенное участие в этих всемирно-исторических преобразованиях. Когда Вебер родился, на территории, которая несколько лет спустя станет называться Германским Рейхом, жили всего тридцать семь миллионов человек, две трети из которых – в деревнях с числом жителей меньше двух тысяч, а в городах с более чем сотней тысяч жителей не проживало и двух миллионов. Когда он умирает, население Германии – несмотря на потери в мировой войне и многие смертельные жертвы гриппа, и хотя на западе и на востоке большие области отошли Франции и Польше – выросло до шестидесяти двух миллионов. Более пятнадцати миллионов из них живут в крупных городах и лишь треть в деревнях с числом жителей меньше двух тысяч. Промышленная продукция страны составляла в 1864 году в пересчёте на американские доллары 492 миллиона (в Великобритании она составляла 1, 12 миллиардов), в 1905 году – когда в свет выходит знаменитая работа Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» – она составляет уже 2, 48 миллиарда долларов (Великобритания: 2,85 миллиарда долларов). Сравнение показывает, как быстро развивается в те годы Германия, превращаясь в страну-форейтора индустриальной революции. В год рождения Вебера в Пруссии учились полпроцента молодёжи двадцати-двадцати четырёх лет, в год его смерти их доля возросла вчетверо; в 1864 году было всего около семи тысяч студентов; когда сам Вебер приступил к учёбе, их уже восемнадцать тысяч; когда же он умирает, студентов насчитывается добрых шестьдесят три тысячи.

Кроме того, между 1864 и 1920 годами страна претерпевает массивные политические и правовые преобразования. Парламент Пруссии, в котором преобладали либеральные депутаты, начиная с 1859 года вёл с кабинетом короля конституционный конфликт по вопросу, кому из них двоих принадлежит бюджетное право и тем самым верховная финансовая власть над армией. Отто фон Бисмарк, который в ходе этого кризиса в 1862 году был назначен премьер-министром Пруссии, впредь больше не отдавал власть; хотя королевство, вообще-то, является конституционной монархией, многие признают Бисмарка верховным правителем и самодержцем тех лет. Под его руководством в 1867 году был образован Северо-Германский Союз, а после вступления в него Бадена, Баварии, Гессена и Вюртемберга в 1871 году был основан Германский Рейх. В 1900 году вступает в силу Гражданский Кодекс. После конца монархии в ноябре 1918 года в некоторых местах провозглашается республика советов, в Берлине парламентская демократия, а в следующем году депутаты Национального собрания принимают в безмятежном Веймаре новую конституцию.

Чтобы понять время, в которое совершается это эпохальное преобразование, жизнь и труды Макса Вебера показательны уже потому, что он занимался почти всеми этими событиями и переменами. Он принимает участие в дискуссиях об индустриализации Германии так же, как в спорах о последствиях политики Бисмарка. Вебер размышляет о предпосылках положения Германии как мировой державы и вместе с тем связывает себя «социальными вопросами» на стороне евангелических кругов. Он размышляет о том, служат ли биржи лишь финансовым спекуляциям или имеют функцию в современной денежной экономике, он участвует в «культурной борьбе» между прусским государством и католической церковью (и переходит на протестантскую сторону), он требует от Германии империалистической политики, направленной вовне, и либеральной, направленной внутрь страны. Подъём социализма он не оставляет без

комментариев так же, как и русскую революцию. И как «эротическое движение», борьбу за права женщин, расовое учение, средства массовой информации.

Среди учёных своего времени Макс Вебер выделяется тем, что он сам – так и хочется сказать: одержимо – работал над описанием того общества, которое возникло во время его жизни. При этом Вебер пропустил через себя целый ряд культур, которые принадлежали к тому времени. Он происходил из национально-либеральной семьи, во время учёбы упражнялся в манере поведения члена студенческой корпорации, являлся агрессивным шовинистом и вместе с тем питал любовь-ненависть к «типичным немцам». С беспримечной волей к труду он рылся в исследовательской литературе и взгромождал на себя во время учёбы норму, которую немисливо представить. Он поддерживал связь с каждым значительным политическим и интеллектуальным движением своей эпохи, а также с их представителями, страдал, измученный сексуально и переутомлённый от трудов, всеми формами «нервной болезни», которая в 1900 году являлась диагнозом времени, а в качестве выздоравливающего на годы становился европейским и трансатлантическим туристом. Уже довольно рано его, презиравшего «литераторов», стал занимать литературный авангард его времени, он поддерживает отношения с богемой. После Первой мировой войны многие считают его надеждой Веймарской республики, в конституционном совете которой он также принимает участие, равно как и в мирных переговорах в Версале. Вебер – известнейший немецкий учёный-социолог своего времени и вместе с тем человек, который за всю свою жизнь опубликовал всего лишь две книги – свою диссертацию и работу на соискание докторской. Его основной труд «Хозяйство и общество», который, по мнению многих, он вряд ли планировал как свой основной труд, выходит в свет только после его смерти. Почти всё, что он сказал, вызывает удивление и подвергается сомнению: его статья «Протестантская этика и дух капитализма» провоцирует учёных на бесконечные споры

с момента её выхода в свет. Макс Вебер типичный немецкий учёный - что касается его прилежания, его стиля и его примечаний к тексту - и «неистовый гражданин», постоянно заряженный против своих современников, скандальный и властный.

Имеет смысл рассказать о жизни и мыслях Макса Вебера, поскольку речь идёт о бурной, буквально замечательной жизни и о мыслях, которыми он отвечает на те вопросы, что занимают нас и поныне. «Всё новое время, в особенности, как кажется, последнее, пронизано чувством напряжения, ожидания, неутолённой потребности - как будто главное ещё только впереди».<sup>1</sup> Так помечает коллега Вебера Георг Зиммель в 1900 году на рубеже двух эпох, в которых жили он и Вебер, когда многие думали, что дальше так не может идти, как шло в последнюю треть девятнадцатого века. Оглядываясь назад, это чувство кажется настолько же душным, насколько и понятным, но также видится исполнившимся собственным предсказанием - многих его современников впереди ждали две мировые войны и два крушения мира. «Героический модерн» (Хайнц Дитер Киттштейнер) сделал себя заметным тем, что интеллектуалы и политики верили в свою способность - путём героического сопротивления - снять с петель мировую историю, которая, на их взгляд, уже более ста лет двигалась не в том направлении. Ибо это ведь и есть примечательное в том чувстве, о котором говорил Зиммель: что в конце времени перманентных переворотов и постоянного обновления многие испытывали не столько потребность постичь эту незнакомую эпоху, сколько ждали, что впереди ещё предстоит главное дело, нечто поистине великое, с чем откроется смысл всего этого преобразования. Макс Вебер, комментируя однажды политику Вильгельма II, описал то же самое чувство немного иначе. «Создаётся впечатление, будто сидишь в поезде и едешь на большой скорости, но при этом не уверен, правильно ли переведена ближайшая стрелка».<sup>2</sup> Кто сидит в таком

---

<sup>1</sup> Зиммель: Философия денег, стр.669.

<sup>2</sup> Marianne Weber: Max Weber. Ein Lebensbild. Стр. 130



поезде, для того главным делом становится эта ближайшая стрелка и понимание её перевода. Вебер пытался не переставать думать - в то время, которое многих вгоняло в мировоззрения или в покорность судьбе перед лицом непонятного хода истории; он раздумывал: как описать общественную жизнь, не поддаваясь при этом идеологии или легкомысленным диагнозам времени? Сегодня мы уже не можем повторить ответы, которые Вебер дал в своё время на опыте кризисов этого времени. Но смысл интеллектуальной биографии был бы исполнен, если бы по ней можно было чему-то научиться по вопросам ведения жизни и по вопросам описания общества, которые были самыми насущными вопросами для этого труда и для этой жизни.

## ПЕРВАЯ ГЛАВА

### ЧЛЕН БУРЖУАЗНЫХ КЛАССОВ

Буржуазия понимает под собой всех жителей государства, которые, по своему рождению, не могут быть причислены ни к аристократии, ни к крестьянству.

Всеобщее Прусское земское уложение,  
1794 год

В вопросе, кем является человек, следует вначале выслушать его самого. «Я являюсь членом буржуазных классов, - так представился слушателям Макс Вебер в возрасте тридцати одного года в своей фрайбургской вступительной лекции в качестве профессора политэкономии в 1895 году, - чувствую себя таковым и воспитан в их воззрениях и идеалах»<sup>3</sup>. Столь же характерная, сколь и примечательная формулировка. Примечательная меньше, поскольку в те годы для человека, который явно не носил приставку «фон» перед

---

<sup>3</sup> «Национальное государство и народнохозяйственная политика», в Max Weber: Gesammelte Politische Schriften, составитель Johannes Winckelmann, Tübingen 1921, стр.20

фамилией, было поистине излишним специально подчёркивать, что он не является ни сыном рабочего, ни сыном крестьянина. Поскольку Вебер вовсе не причисляет себя к «буржуазному» классу (в единственном числе), как они отличили бы марксистов от пролетариата или историков общественных отношений от аристократов и крестьян. Он прибегает к множественному числу и допускает тем самым, что существует несколько таких буржуазий и что знаменательно не только их отличие от других классов, но и их различие между собой. Однако, опять же, себя самого он чувствует принадлежащим к этому множественному числу как целому; он видит себя не как члена одного из буржуазных классов, а как члена их совокупности. Это как если бы Макс Вебер сказал: «Я житель южнонемецких городов».

Макс Вебер действительно был членом буржуазных классов. Он был им экономически: семья жила в благополучии - главным образом, с материнского наследства. Состояние, как утверждает Вебер в 1910 году, оглядываясь на свою юность, «было по тогдашним понятиям очень большим, к тому же папа наряду с этим имел жалованье 12 000 марок, то есть было около 34 000 марок дохода».<sup>4</sup>

Материнское наследство, проценты с которого были почти вдвое выше высокого жалованья служащего, зижделось на доходах от торговли и промышленности, на расположенных по всей Европе магазинах ведущей отрасли в индустриальной революции – текстильного промысла. Французская революция привела к массивному бегству капитала в Англию около 1800 года, где были технологические условия, которые раскручивали колесо производства всё быстрее. Прадедушка Макса Вебера с материнской стороны, происходящий из Франкфурта-на-Майне Корнелиус Шарль Сухей, использовал это

---

<sup>4</sup> Max-Weber-Gesamtausgabe, составители Horst Baier, M. Rainer Lepsius, Wolfgang

J. Mommsen, в 41 томе, Tübingen 1984. Гюнтер Рот смог подтвердить данными из Берлинского городского архива, что жалованье отца Макса Вебера составляло десять тысяч пятьсот марок; Guenther Roth: Max Webers deutsch-englische Familiengeschichte 1850 – 1950, Tübingen 2001.

особенно удачно и обладал по тем временам одним из самых успешных предприятий вообще, в котором слаженно работали производство, сбыт и финансирование. Во время континентальной блокады, установленной Наполеоном Бонапартом между 1806 и 1814 годами против Великобритании, он был связан с контрабандными делами и в качестве спекулянта извлекал прибыль из европейских войн той эпохи. Гугенотская семья Сухеев причислялась к богатейшим англо-немецким торговым династиям и входила в состав далеко разветвлённой структурной сети, которая протянулась через несколько империй и контакты которой поэтому дотягивались не только до Англии, Бельгии и Голландии, но и до Канады, Южной Африки и Индонезии.<sup>5</sup> Бабушка Макса Вебера была благодаря своему наследству миллионершей.

С отцовской стороны его предки происходили из Билефельда, были там торговцами полотном и членами местной богатой прослойки. В отличие от жизни Сухеев жизнь Веберов, кажется, определялась более неспешным темпом; зарабатывание денег здесь было подчинено прежде всего ведению образа жизни, который приличествовал положению. Это значило, что раньше одиннадцати часов утра дедушка в конторе не появлялся.<sup>6</sup> И он, судя по всему, не был в этом исключением. «Что касается Билефельда, - писал прусский министр торговли Христиан Петер Вильгельм Бойт в 1842 году представителю тамошнего предпринимателя, - то я Вам уже не раз высказывал своё мнение, что господа там – купцы, почивающие на своих лаврах и золотых кошнях, а никакие не фабриканты».<sup>7</sup> Впоследствии жена Макса Вебера, Марианна, происходила из ветви той же семьи, которая, однако, перебралась в соседнее герцогство Липпе, потому

---

<sup>5</sup> Max Webers deutsch-englische Familiengeschichte 1850 – 1950, Tübingen 2001.

стр. 25 и далее, стр. 57 и далее.

<sup>6</sup> Marianne Weber: Max Weber. Ein Lebensbild, стр. 27.

<sup>7</sup> Шумахер: Зарубежные странствия немецкого предпринимателя, стр. 218, Прим. 1150.

что её дедушка, Карл Давид Вебер, получивший образование в Испании, мог уклониться там от прусской военной службы.<sup>8</sup> Состояние, которого достиг Карл Давид – кстати, тоже в текстильной промышленности, – было достаточно большим, чтобы на долгое время обеспечить финансовую независимость четверым его детям и внукам. Поэтому Макс и Марианна Вебер оба могли опереться на наследство своих дедушек и бабушек, и пара не обеднела и тогда, когда Вебер в 1899 году, в возрасте тридцати пяти лет, оставил свою преподавательскую должность по причине здоровья, в том числе и психического, и вскоре после этого стал жить как рантье на собственные средства.

Семья Макса Вебера принадлежала также и к политической буржуазии: его дед по материнской линии, Георг Фалленштейн, был членом добровольческого корпуса Лютцова, ополчения прусской армии в борьбе против Наполеона, и позднее примыкал к кругу матадоров 1848 года, буржуазной революции, потерпевшей поражение в Германии. Фридрих Ян, «Отец гимнастики», также принадлежал к кругу близких знакомых Фалленштейна, как и историк и германист Георг Готфрид Гервинус, один из «Гёттингенской семёрки», которые в 1837 году протестовали против отмены королём ганноверской конституции. Отец Вебера, тоже Макс Вебер-старший, был одним из первых немецких профессиональных политиков и заседал от национально-либеральной партии в палате депутатов Пруссии, а также в Рейхстаге. Сам Макс Вебер много лет спустя тоже, будучи членом германской демократической партии национал-либерала Фридриха Науманна, баллотировался в Рейхстаг. По своему образованию Макс Вебер был юристом, он некоторое время пофлиртовал с карьерой адвоката и юрисконсульта Бременской торговой палаты, но его исторические и социологические интересы перетянули его в университет.

---

<sup>8</sup> Max Webers deutsch-englische Familiengeschichte 1850 – 1950, Tübingen 2001. Стр. 252.

Это добавляет к тем буржуазным классам, к которым принадлежал Макс Вебер, ещё и третье сословие – учёных. Важно отделять этот третий класс от двух первых. Ибо общество, в котором Вебер был рождён, характеризуется тремя совершенно различными революциями, хотя все они называются «буржуазными»: политическая революция, ведущая к демократическому конституционному государству, которая нашла своё отчётливое выражение вначале в Северной Америке и в Париже. Индустриальная революция, которая исходила из Англии и символами которой являются паровая машина, плоскочечная машина и полностью механизированный ткацкий станок. И, наконец, революция образования, в конце которой стоит обязательное школьное обучение, выпускные экзамены и более высокие школьные ступени как условие доступа в университет и возникновение научных дисциплин.<sup>9</sup> Особенно в этой последней революции Германия была ведущей страной; в течение более чем полувека – с 1850 до 1920 гг. – именно в Германии вводились многие научные стандарты и таковые в высшем образовании, причём как в естественных и инженерных науках, так и в гуманитарных. Чтобы увидеть, что такое исследовательский университет, в то время и французы, и американцы ехали в Берлин, Бонн, Лейпциг или Гейдельберг. Макс Вебер рос в то время, когда учёные могли добиться очень большого авторитета. Но сам он при этом был не только исследователь, но также высокоранговый представитель буржуазной культуры, для которой была характерна приверженность к книгам и путешествиям, к античности, классической гимназии и чтению газет, протестантскому христианству и национальному государству.

Однако, все три революции носили для буржуазии амбивалентный характер, который стал узнаваемым уже в последней трети девятнадцатого века. Обществу, которое сформировалось под

---

<sup>9</sup> Сравн. Боссе: Революция образования, стр. 47-160, и Штихве: К возникновению современной системы научных дисциплин.

впечатлением штурма Бастилии и ликвидации монархии во Франции, могло поначалу показаться, будто в современном государстве лишь поменялись местами аристократия и буржуазия, «первое» и «третье» сословие, будто поменялась лишь верхушка и отныне всё будет управляться с буржуазным подходом. Такой подход, думалось далее, можно извлечь прежде всего из индустриальной революции, из буржуазного интереса к промышленности, торговле, производству – то есть к развитию частной собственности. И, наконец, образование также воспринималось как специфически буржуазная идея усовершенствования личности. «Роман образования», тот литературный род, который возник около 1800 года и определял европейское повествование больше девяноста лет, сделал наглядной эту идею в своей схеме развития: молодой, негероический персонаж не продолжает традиции своего происхождения, а сталкивается со средой волнующего модерна, который будит в нём надежды на счастье; но лишь в конфронтации с действительностью он узнаёт, как много иллюзий в ней таилось. Буржуазным в этом являлось не только право искать своё собственное счастье и объявлять этот поиск – наряду с жизнью и свободой, как в американской конституции, – третьим неотъемлемым правом личности. Буржуазным являлось и избавление, которое обещало дать «образование» в конфликте между счастьем и свободой, закреплением и мобильностью, самоопределением и социализацией, браком и любовью, реализмом и романтикой: осознание их противоречия, компромисс, отрешение.<sup>10</sup>

---

<sup>10</sup> Сравн. Moretti: The Way of the World.